

УДК 902.2

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ В ДРЕВНЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
Ю. И. Михайлов

IMAGES OF THINGS IN ANCIENT PAINTING OF WESTERN SIBERIA
Y. I. Mikhailov

Основное содержание статьи посвящено проблемам реконструкции символики изображений вещей в древнем художественном творчестве Западной Сибири. В бронзовом веке изображения вещей представляли человека как *homo instrumentalis*. Мир вещей в изобразительном творчестве передавал новую антропоцентрическую картину мира. Формируется мифология вещи.

The paper is devoted to the problems of reconstruction of things symbolism in ancient painting of West Siberia. The bronze age was the time when images of things represented the man as *homo instrumentalis*. The world of things in painting represented the new image of the world. The mythology of things was formed.

Ключевые слова: традиция, сакральный, сейминско-турбинский феномен, скульптура, знак.

Keywords: tradition, sacral, Seyma-Turbino phenomenon, sculptures, sign.

Предметом предлагаемого исследования является вещь, обладающая сакральным статусом в определенном культурно-историческом контексте. Собственно подобный взгляд на вещественные источники составляет основное содержание многочисленных специальных исследований. Тем не менее, такая важная проблема как возникновение и последующее развитие практики изображения вещного мира специально не рассматривается в собственно археологических исследованиях. Во всяком случае, по сибирским материалам. В рамках этого самостоятельного направления исследований непосредственный интерес представляют те случаи, когда изображенная вещь не только символизирует присутствие человека, но и выступает знаком определенного вида человеческой деятельности. Хронологические и территориальные рамки избранной проблематики будут ограничены эпохой бронзы на территории юга Западной Сибири, поскольку для этого времени более или менее уверенно выделен ряд культурно близких изобразительных традиций, в которых представлены изображения вещного мира.

Даже среди наиболее ярких феноменов древнего изобразительного творчества Сибири окуневская традиция с ее разнообразными антропоморфными и зооморфными образами занимает особое место. Вместе с тем в окуневской художественной практике представлены разнообразные реалии вещного мира. Это, прежде всего, изображения колесных транспортных средств. Кроме того, упомянем разнообразные атрибуты антропоморфных персонажей: головные уборы, плечевая одежда, украшения, посохи и пр. Не менее существенно то, что в окуневской изобразительной традиции известны анатомически достоверные рисунки животных с различными предметными дополнениями. В частности, фигуры быков или коров с шейными «подвесками» и с т. н. «петлями». Относительно реальных прототипов для шейных «подвесок» у исследователей нет единого мнения, хотя для некоторых из них указаны вероятные аналогии среди украшений периода поздней бронзы [5, с. 61, табл. 42]. «Петли» на мордах быков и лошадей были интерпретированы в качестве приспособлений для управления упряжными живот-

ными [10 – 11]. Предложенное объяснение представляет особый интерес, так как в этом случае изображение предмета выступает в качестве знака вполне конкретного вида человеческой деятельности связанной с транспортным использованием животных.

На сохранившихся фрагментах крупной плиты из могильника Черновая VIII выполнено изображение женщины в позе «роженицы». Справа и слева от этого персонажа изображены головы быков с «петлями» [9, с. 199]. На каменной плите из могильника Разлив X нанесены фигуры быков с аналогичными приспособлениями [16, рис. 8]. Очевидно, что если в композиции из могильника Черновая VIII связь животных с человеком передана непосредственно, то на плите из могильника Разлив X его присутствие подразумевается благодаря изображениям средств контроля. В окуневской традиции изображения орудий или приспособлений не просто символизируют присутствие человека как субъекта той или иной культурной практики. В исторической перспективе это означает, что в древнем изобразительном творчестве Сибири эпохи бронзы начинается новый этап в развитии мировоззренческих представлений. Образ человека как родового существа постепенно уступает место образу активного действующего индивидуума вооруженного инструментом и технологически.

Интересующий нас художественно-семантический прием не является эксклюзивной особенностью окуневской изобразительной традиции. В сейминско-турбинской художественной практике, которая, как будет показано ниже, культурно связана с окуневской, также представлены два описанных выше варианта овеществленной связи человека и животного. К рукояти выгнутообушкового ножа из могильника Ростовка прилито скульптурные изображения лыжника и упряжной лошади. На аналогичном ноже из Сейминского могильника антропоморфный образ отсутствует, но одна из двух фигурок лошадей, как предполагается, снабжена изображениями деталей упряжи. Таким образом, в сейминском изделии символическое присутствие человека передано посредством вещного кода. Примеры из разных, но хронологически близких

изобразительных традиций – окуневской и сейминско-турбинской демонстрируют не только сходные художественно-семантические приемы, но и общий источник содержания изобразительных сюжетов. Технологии транспортного использования животных для населения Среднего Енисея и Среднего Прииртышья в начале II тыс. до н. э. составили одно из важнейших направлений культурной и хозяйственной деятельности. Транспортное использование лошади стало принципиально важной новацией для населения степных территорий межгорных котловин и южной кромки лесных массивов Западной Сибири.

Не менее существенно то, что массивные бронзовые ножи со скульптурными изображениями были образцами прогрессивных приемов металлургии и металлообработки. Именно поэтому изображения вещей, выступая знаком присутствия человека в художественных композициях, одновременно, указывали на исторически актуальную сферу его практической деятельности. Поскольку эта деятельность получала символическое осмысление можно вести речь об активном формировании нового мировоззренческого аспекта – мифологии вещи. Вещь, символически замещающая человека в изобразительных композициях, одновременно вбирает в себя его статусные характеристики. Таким образом, эти характеристики обретают самостоятельное по отношению к индивидууму существование и прикрепляются к его вещному окружению. Возникает весьма продуктивный смысловой план, в рамках которого обладание вещью не только расширяет диапазон функциональных возможностей персонажа, но и переводит его в новое статусное состояние.

Наряду с этим вещь, символизируя присутствие человека в изобразительном сюжете, выступает воплощением его связей с сакральным миром. В этом отношении показателен изобразительный сюжет на окуневской стеле из Уйбат Хулгана – фигура быка с шейными «подвесками» и «курильница». Было высказано мнение, согласно которому бык (вол) в этой изобразительной композиции выступает в качестве священного животного [6, с. 253 – 254]. Аналогичные по манере изображения быки, с шейными «подвесками» и «петлями» на мордах выполнены на плите из могильника Разлив X [16, рис. 8]. «Подвески» и «петли» в ритуальном контексте могли непосредственным образом воплощают связь человека с божеством. Например, нганасаны в обрядовой практике привязывали к собаке или оленю ремень, чтобы божеству – матери было удобнее их взять [3, с. 32]. Видимо не случайно в уже упоминавшейся композиции на плите из могильника Черновая VIII быки с «петлями» фланкируют фигуру «роженицы» [9, с. 199]. С почитанием этого сакрального женского образа были связаны и «курильницы». В системе культовых представлений они могли выступать в качестве атрибута женского божества и символически его замещать. В этом отношении наиболее показательна «курильница» из Новой Сыды с объемным изображением обнаженной женской фигурки [8, рис. 1 – 1]. В этом случае семантическая близость женского персонажа и «курильницы» как сакрального атрибута передана самым непосредственным образом. Образы человека и вещи даны

слитно. Существенно, что изображение «курильницы» с «петлей» представлено на плите раннего окуневского могильника Уйбат III, материалы которого, как предполагается, связаны с индоевропейским культурным миром [см. 7, с. 40]. Представления об особой связи человека и вещи у древнего населения Западной Сибири получают продолжение и в более поздней культурной традиции также связанной с индоевропейским населением. Неоднократно отмечалось, что в кенотафах андроновской культуры именно глиняные сосуды замещали отсутствующие останки человека.

Андроновская изобразительная традиция, появление которой на лесостепной территории Западной Сибири ныне датируется первой половиной II тыс. до н. э. [см. 12, с. 62 – 63], представлена геометрическими декоративными композициями на глиняных и металлических изделиях. Антропоморфные изображения в собственно андроновских комплексах пока неизвестны. Однако их отсутствие компенсировалось тем, что сосуды в ритуальной практике наделялись антропоморфными характеристиками. Эту особенность символически передавали геометрические орнаментальные композиции на стенках сосудов, которые, как считал М. П. Грязнов, соответствовали особенностям декоративной отделки одежды. Хотя в андроновском художественном творчестве не использовались иконические изображения, сама практика создания изображений вещи у андроновцев получила еще один культурно и исторически важный вариант воплощения. Это миниатюрные изображения металлических орудий. В андроновском могильнике Старый Тартас 4 (Барабинская лесостепь) обнаружена уменьшенная копия вислообушного топора. Длина по лезвию 4 см, ширина обуха 1 см [14, с. 60]. Аналогичная по форме и размерам металлическая модель топора была обнаружена в андроновском могильнике Ланин лог на Среднем Енисее [1, с. 14, рис. 13 – 63].

Появление миниатюрных изображений вещей в погребениях указывает на существование представлений об особых связях человека и вещи. В пользу существования подобных воззрений в среде андроновского населения свидетельствует находка полноразмерного массивного проушного топора с «гребнем». На этом изделии нанесено четыре клейма мастера (?) в виде насечек сделанных зубилом [13, с. 464, рис. 1]. Еще один бронзовый вислообушный топор с гребнем найден у с. Истимис (Кулундинская степь). На лицевой стороне изделия имеются насечки. Авторы публикации допускают, что они образуют тамгообразный знак, в виде латинской «V» [15, с. 87, рис. 5]. Не исключено, что прототипами насеченных знаков на бронзовых топорах с гребнем являются насечки на створках литейных форм, которые наносились для их более точного совмещения перед отливкой. Так, например, насечки в виде латинской «V» имеются на створках литейной формы для отливки кельта самусьско – кижировского типа с пос. Сайгатино VI (Остяцкий Живец) близ г. Сургуты [18, рис. 75 – 1]. Причем, еще ранее на отливках сейминско – турбинского круга связь изделия с мастером передавали геометрические композиции на матрицах литейных форм. Эти декоративные композиции, неоднократно повторяясь в готовых серийных изделиях, превращались в орнамен-

тальный «почерк» конкретного мастера. Возможно, согласно представлениям кузнецов – литейщиков, благодаря геометрическому орнаменту вещь приобретала морфологическую завершенность и сакральную сущность.

Независимо от интерпретации знаков на андроновских топорах (клеймо мастера или мета владельца), сам факт их намеренного исполнения служит указанием на механизм индивидуализации вещи и свидетельством новых представлений об особой связи вещи и человека. В новых культурных условиях вещь подобно человеку также могла нести на своем «теле» знак, отметину. В зависимости от конкретного культурного контекста эти «отметины» в виде насечек на орудиях и литейных формах могли выступать знаком принадлежности вещи, а могли, как, например, параллельные риски – насечки на гадальных (игральных) костях с поселения металлургов Горный [19, с. 98], становиться знаками будущего – знаменами. Таким образом, в едином культурном контексте эпохи бронзы одними и теми же изобразительными приемами создавались вещные знаки – метки и знаки – знамения. Кроме того, в контексте погребального ритуала знаки – меты владельца на предметах сопроводительного инвентаря могли осмысляться уже как знаки – знамения.

В связи с этим обратим внимание на устойчиво повторяющиеся комбинации из параллельных линий на оленных камнях. Эти каменные стелы с антропоморфной семантикой демонстрируют еще одну исторически новую практику изображения вещей. Связанные с ними изобразительные традиции получают широкое распространение уже в эпоху поздней бронзы и существуют параллельно с практикой изображения комплектов вооружения на естественных каменных плоскостях. По мнению Д. Г. Савинова, в это время полноразмерные предметы вооружения уже не клали в могилы в виду их особой ценности, хотя отдельные экземпляры представлены в комплексах на периферии основного ареала культур эпохи бронзы. В то же время, изображения этих вещей запечатлены на скалах Центральной Азии и Южной Сибири. Предметные аналогии и, в частности, рисунки кинжалов, изображенных отдельно или в составе сюжетных композиций, относятся к одному культурно-историческому периоду – конец эпохи бронзы – начало раннекифского времени [17, с. 43 – 46]. Еще раз отметим, что среди многочисленных проявлений этой широкой культурной практики оленные камни занимают осо-

бое место, поскольку на них нанесены изображения разнообразных комплектов, включавших оружие, украшения, пояса и пр. Композиционное расположение изображений вещей во многих случаях соответствует позиции реальных атрибутов снаряжения воина. Таким образом, сумма изображений реальных вещей символически передает антропоморфный образ, который на стелах не получил явной анатомической трактовки. В данном случае существенно то, что изображения предметов на оленных камнях передают не просто образ человека, а составляют своеобразный «портрет» воина и, соответственно, персоны с особым социальным статусом. С учетом этого, вещь в изобразительном контексте становится знаком той или иной статусной характеристики обладателя.

На каменном блоке из урочища Кизань (Минусинская котловина) изображения кинжалов соседствуют с изображениями животных [2, с. 163]. Кинжалы и чеканы вместе фигурками животных и всадника представлены на скале в долине р. Бегири (Тува). Предполагается, что эти изображения передают сцену жертвоприношения [4, с. 8 – 9]. Данная интерпретация, в свою очередь, позволяет предполагать наличие и более широкого смыслового плана. Его присутствие становится очевидным, если учесть, что жертвоприношение во многих случаях было призвано моделировать процесс миротворения. Этот «инструментальный» образ мира как комплекса вещей – орудий может рассматриваться в качестве архаического варианта антропоцентрической картины мироздания. На определенном этапе культурного развития за изображениями предметной реальности отчетливо проступает комплекс культурно-хозяйственных практик и, соответственно, образ человека в его деятельности направленной на освоение окружающего мира. Эта своеобразная антропоцентрическая картина мира существенно древнее, нежели чем ее «классическая» модель представленная в античной духовной практике. С того момента, когда в древней художественной деятельности изображение вещи перестает быть продолжением человеческого тела и сама вещь начинает изображаться отдельно или даже вместо владельца, появляются основания предполагать качественно новое осмысление культурно освоенного мира. В этом пока еще архаическом взгляде на мир культуры не человек выступает как мера всех вещей, а сумма вещей измеряет (формирует) его образ как совокупность статусных характеристик и культурных особенностей.

Литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан УССР, 1991. 200 с.
2. Боковенко Н. А. Петроглифы Хакасско-Минусинской котловины // Наскальные изображения Центральной Азии. Фонд истории Северо-Восточной Азии. 2007 (на корейск. и русск. яз.).
3. Грачева Г. Следы ранних представлений о природных связях у нганасан // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 98 – 113.
4. Килуновская М. Е. Новый памятник наскального искусства раннекифского времени в Центральной Туве // Проблемы развития зарубежного искусства (памяти М. В. Добровольского). СПб., 1999. С. 3 – 12.
5. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.
6. Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 295 с.
7. Лазаретов И. П. Окуневские памятники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19 – 64.

8. Леонтьев С. Н. Изображение Матери-прародительницы на курильнице окуневской культуры из Новой Сыды // Вестник САИПИ. 2002, Вып. 5. С. 34 – 36.
9. Миклашевич Е. А. Обломки плит – фрагменты мифов (или о точности копирования и возможностях интерпретации окуневского искусства) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 197 – 200.
10. Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебязье // Вестник САИПИ. Кемерово, 2003 – 2004. Вып. 6 – 7. С. 17 – 27.
11. Миклашевич Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 191 – 212.
12. Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58 – 69.
13. Молодин В. И., Шатов А. Г., Софеев О. В. Проушный топор с «гребнем» из Южной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 62 – 66.
14. Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Могильник Старый Таргас – 4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // АЭАЕ. 2002. № 3(11). С. 48 – 62.
15. Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. В. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. С. 83 – 96.
16. Пшеницина М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 82 – 94.
17. Савинов Д. Г. «Меч-кладенец» Черных Е. Н., Кузьминых С. В на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // Тропой тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 40 – 52.
18. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.
19. Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Агапов С. А., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Тенейшвили Т. О., Вальков Д. В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // РА. 1990. № 1. С. 77 – 102.

Информация об авторе:

Михайлов Юрий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор КемГУ.

Yury I. Mikhailov – Doctor of History, Professor, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.